

АЛЕКС ГРОВ

Некоторые
воспоминания
приходят
раньше, чем
случаются

12 ДРУГОЙ
ИСХОД?

Я УЖЕ ЖИЛ

А ЧТО, ЕСЛИ ТВОЯ ЖИЗНЬ
УЖЕ БЫЛА?

Алекс Гров
Я УЖЕ ЖИЛ

«Автор»

2026

Гров А.

Я УЖЕ ЖИЛ / А. Гров — «Автор», 2026

Психолог Алексей Воронов видит гибель незнакомой девочки за секунду до аварии и успевает её спасти. После этого к нему возвращаются фрагменты жизни, которой он не должен помнить: пожар в закрытом исследовательском центре, двенадцать погибших и младший брат по другую сторону стальной двери. След приводит Алексея в «Мнемосину», где человеческую память соединяют с системой прогнозирования. Центр умеет превращать вероятные сценарии в убедительные воспоминания, а в его архивах хранятся детские записи Алексея с именами людей, которых он встретит лишь много времени спустя. На семнадцатое ноября назначена демонстрация — в первой жизни именно она закончилась пожаром. Чтобы не повторить катастрофу, Алексей должен отличить настоящее эхо от цифровой манипуляции. Но труднее всего отказаться от уверенности, что знание будущего даёт право решать за тех, кого он хочет спасти.

© Гров А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Пять полос	5
ЭХО	7
Секунда до удара	8
Жёлтая шапка	11
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Алекс Гров

Я УЖЕ ЖИЛ

Пролог

Пять полос

В день своей смерти Алексей Воронов попросил открыть окно.

Медсестра напомнила, что на улице двадцать градусов мороза, однако спорить не стала. Она повернула тугую ручку и оставила щель шириной в ладонь. В палату вошёл февральский воздух — сухой, пахнувший снегом, дорогой и далёким дымом из котельной. Алексей прикрыл глаза и слушал, как город продолжает жить без всякого уважения к его последнему дню.

На тумбочке лежали часы, тетрадь в тёмно-синей обложке и старая фотография двух мальчиков у реки. Старший смотрел в объектив слишком серьёзно, словно уже тогда отвечал за всё, что могло случиться. Младший смеялся, потому что в момент съёмки успел толкнуть брата локтем.

— Позвать кого-нибудь? — спросила медсестра.

Алексей покачал головой. Все, кого хотелось увидеть, либо умерли, либо научились жить без него. Второе он считал более справедливым, хотя так и не сумел принять.

Женщина поправила одеяло и направилась к двери. На пороге она обернулась:

— Алексей Сергеевич, нажмите кнопку, если станет страшно.

Он хотел ответить, что страх пришёл сорок шесть лет назад и с тех пор только менял имена. Сил на длинную фразу не осталось, поэтому Алексей улыбнулся, а когда дверь закрылась, перевёл взгляд на тетрадь.

Внутри находился список из двенадцати человек. Он помнил их лица лучше, чем многие годы собственной жизни. Имя брата он десятилетиями ставил последним, убеждая себя, что так сохраняет справедливость к остальным. На самом деле он боялся признать, что именно это имя превращало расследование, науку и разговоры о долге в его личную попытку отменить прошлое.

Алексей коснулся страницы, и палата поплыла. Гул вентиляции отступил, холод перестал касаться лица, а на стене, где висела картина с лодкой, проступила тяжёлая дверь с узким стеклом. Он видел её столько раз, что давно перестал спрашивать, была ли она воспоминанием, предсмертной галлюцинацией или образом, который мозг выбрал для вины.

За стеклом шевельнулось пламя. Чья-то ладонь ударила изнутри и оставила пять влажных полос.

Один раз. Затем ещё один.

Алексей попытался подняться, но тело уже не подчинялось. Перед ним снова возник телефон, который в ту ночь лежал у него в руке. На экране оставалось сообщение: «Остановите демонстрацию. Система опасна». Он набрал его за несколько часов до пожара и так и не отправил. Сначала хотел перепроверить сведения, потом защитить источник, дожидаться юристов, не разрушать карьеру брата и не выглядеть человеком, поддавшимся панике. Каждая причина звучала разумно. Вместе они стояли двенадцати жизней.

За дверью появился молодой мужчина с рассечённой бровью. Он выглядел усталым, злым и живым — таким, каким Даниил был в последний день.

— Даня, — прошептал Алексей.

Брат приложил ладонь к стеклу. Алексей поднял свою и потянулся к двери, между ними остались сорок шесть лет, прожитых в попытках доказать, что трагедию можно объяснить до тех пор, пока она не перестанет болеть.

Вопрос возник без голоса, словно его задала сама память: «Что ты сделал?»

— Испугался, — ответил Алексей. — Решил дожидаться уверенности.

Это была правда, но далеко не вся. Он боялся ошибиться публично, потерять влияние, признать, что не способен вычислить единственно правильный ход. После пожара этот страх сменил форму: Алексей посвятил жизнь поиску точного момента, когда следовало вмешаться. Он изучал память, строил модели, собирал свидетельства и постепенно превратил погибших в доказательства собственной миссии.

«Ты хотел бы изменить тот день?»

— Да.

«Только тот день?»

Алексей посмотрел на Даниила. Самым лёгким ответом было спасение: отправить сообщение, сломать замок, вытащить брата, стать героем исправленной истории. Но даже теперь он пытался свести прожитую жизнь к одному правильному поступку.

— Нет, — сказал он.

Пламя погасло. Из темноты донеслась простая колыбельная, где четвёртая нота звучала чуть ниже, чем ожидалось. Эту мелодию когда-то играл отец, затем мать.

Дверь начала открываться внутрь. За ней не было ни коридора, ни огня; там оставалось пространство, в котором невозможно спрятаться за должностью, диагнозом или правильными словами.

«Чего ты просишь?»

— Вернуться.

«Ты можешь не вспомнить ничего».

— Тогда оставьте хотя бы вопрос.

«Какой?»

Алексей долго молчал.

— Тот, который я всегда задавал слишком поздно.

Чья-то маленькая рука коснулась его ладони. На мгновение он увидел мокрый перекрёсток, автобус и жёлтую шапку у колеса. Потом дверь закрылась.

Медсестра вернулась через четыре минуты. Алексей лежал спокойно, повернув голову к открытому окну. Его правая рука соскользнула с одеяла и коснулась стекла рамки; на прозрачной поверхности остались пять тонких следов от пальцев.

Женщина закрыла окно, накрыла его руку и вызвала врача. Она не знала, что для Алексея Воронова этот день уже начинался снова.

ЧАСТЬ I

ЭХО

ГЛАВА 1

Секунда до удара

В тридцать семь лет Алексей увидел смерть незнакомой девочки.

Это произошло в четверг, третьего октября, в восемь сорок две утра. Он стоял у перехода с бумажным стаканом кофе и раздражался на собственную привычку приезжать заранее: до встречи оставалось двадцать восемь минут, дождь был слишком мелким для зонта, но достаточно настойчивым, чтобы воротник пальто уже намок.

Девочка лет девяти ждала зелёного сигнала в двух шагах от него. Жёлтая шапка, фиолетовый рюкзак, развязанный белый шнурок. Рядом женщина говорила по телефону, время от времени кивала невидимому собеседнику и почти не смотрела на ребёнка.

Алексей заметил городской автобус, показавшийся из-за фургона. Обычная тяжёлая машина с мокрым лобовым стеклом, на котором отражался красный сигнал светофора. В следующую секунду мир повторился с такой точностью, что ощущение знакомости превратилось в событие.

Кофе обжёг большой палец. Мужчина справа кашлянул трижды. Рекламный экран сменил женское лицо на изображение синего дивана. Девочка увидела собаку на другой стороне дороги и шагнула вперёд, хотя для пешеходов ещё горел красный. Автобус вошёл в поворот слишком быстро, заднюю часть повело влево, и Алексей одновременно услышал треск металла, крик женщины и глухой удар тела о мокрый асфальт. Жёлтая шапка лежала в воде возле бордюра.

Видение длилось меньше секунды.

Девочка всё ещё стояла рядом. Мужчина справа только начал кашлять.

Алексей бросил стакан и схватил ребёнка за лямку рюкзака. Он рванул её назад так резко, что девочка упала на него, а женщина оборвала разговор и повернулась с возмущением.

— Вы что делаете?

Мужчина кашлянул во второй раз. Автобус появился из-за фургона, и Алексей увидел знакомый наклон корпуса.

— Отойдите от края! — крикнул он.

Несколько человек отступили, большинство лишь обернулось. Автобус ударил боком по ограждению, смял рекламную стойку и вылетел передним колесом на тротуар. Металл взвыл, стекло посыпалось на асфальт, а колесо остановилось там, где секунду назад стояла девочка.

После катастрофы возникла короткая тишина, словно город решал, продолжать ли движение. Затем люди заговорили одновременно. Женщина выдернула дочь из рук Алексея и прижала к себе; девочка плакала от испуга и унижения, не понимая, почему взрослые внезапно сошли с ума. Водитель бил ладонью по заклинившей двери, кто-то звонил в скорую, а пожилой мужчина в кепке повторял:

— Как вы увидели? Автобуса же не было видно.

Алексей смотрел на жёлтую шапку. Она оставалась на голове девочки, сухая с одной стороны и потемневшая от дождя с другой. Он наклонился за стаканом. Кофе вытек к решётке ливневки, крышка лежала лицевой стороной вверх, хотя в пережитом мгновении упала иначе.

Эта разница напугала его сильнее самого автобуса. Сцена совпала почти полностью, но вмешательство изменило не только судьбу ребёнка; мир перестроился в мелочах, которые невозможно было заранее вычислить.

На встречу Алексей пришёл с грязным рукавом и опозданием в три минуты. Его клиент, владелец аптечной сети Сергей Кочетов, сидел в переговорной у окна и смотрел в телефон.

— Вы опоздали, — сказал Кочетов.

— На перекрёстке произошла авария.

— Всегда что-нибудь происходит.

Фраза ударила странным эхом. Алексей остановился у стула, пытаясь понять, слышал ли её раньше, но Кочетов уже смотрел на него с раздражением.

— Вы бледный.

— А вы не спали, — ответил Алексей.

На столе лежали телефон, ключ-карта и сложенный вдвое лист. Манжету рубашки пересекало пятно чернил, левая ступня постукивала по полу. Профессиональная часть сознания сработала привычно: бессонница, стыд, решение принято, но поступок ещё не совершён. Кочетов пришёл не за советом; ему требовалось разрешение на поступок, который он уже выбрал.

— Совет директоров проголосует против меня, — сказал он. — Они считают, что я скрыл убытки.

— Вы скрыли?

— Перенёс отчётность.

— Это более удобное название того же действия.

Кочетов усмехнулся и развернул лист. В этот момент Алексей услышал следующую фразу прежде, чем клиент открыл рот: «Иногда человек должен уйти раньше, чем его выгонят». Вместе со словами пришёл запах холодного воздуха, серое небо в открытой раме и движение руки к технической защёлке.

— Не заканчивайте, — сказал Алексей.

Кочетов замер.

— Что именно?

Алексей не понимал происхождения знания, поэтому заставил себя смотреть на факты: записка, бессонница, окно, стыд, чернила. Этого хватало для прямого вопроса.

— Вы написали прощальное письмо?

Лицо Кочетова стало неподвижным.

— Вы читали мою переписку?

— Нет. Сергей, я должен спросить прямо: вы собирались сегодня причинить себе вред?

Кочетов отодвинулся. Алексей видел, как тот выбирает между отрицанием и яростью, а затем в сознании вспыхнула чужая сцена: девочка-подросток в белой рубашке говорит в телефон: «Ты обещал меня забрать». Вместе с образом пришла уверенность: дочь.

— Скоро вам позвонит дочь, — произнёс Алексей.

Тишина обнажила ошибку быстрее любого возражения.

— У меня нет дочери, — сказал Кочетов. — У меня сын.

Алексей знал это из анкеты. Образ девочки оставался точным, но память присвоила ей неправильную роль.

— Простите. Я смешал детали, которых не должен был касаться. Однако вопрос о вашей безопасности остаётся.

Кочетов поднялся и направился к двери. Алексей ожидал, что он пойдёт к окну, однако клиент вышел, оставив сложенный лист на столе. Сквозь тонкую бумагу проступала первая строка: «Илье. Прости, что снова не сдержал обещание».

Сыну.

Алексей позвонил администратору компании и попросил не оставлять Кочетова одного до приезда Ильи. После этого проверил защёлку: окно действительно открывалось двумя движениями.

Телефон завибрировал. На экране высветился незнакомый номер.

— Алексей Сергеевич? — спросил женский голос. — Меня зовут Мира Соколова. Мы не знакомы, но сегодня утром вы спасли девочку у метро.

— С ней всё в порядке?

— Да. Именно поэтому я звоню. На записи видно, что вы начали действовать до того, как автобус появился из-за фургона.

Алексей посмотрел на своё отражение в стекле. За его спиной никого не было, однако внутри прозвучала фраза, будто продолжение давно начатого разговора:
«На этот раз раньше».

ГЛАВА 2

Жёлтая шапка

Меньше чем через час после аварии Соня Громова уже лежала в детском отделении. Здесь катастрофы быстро превращались в расписание. В девять сорок проводили осмотр, в девять пятьдесят брали кровь, в десять часов начинался завтрак, который почти никто не хотел есть, а в десять двадцать приходил невролог. Ребёнку позволяли плакать, однако обследование всё равно начиналось вовремя: аппарат был свободен именно сейчас, а следующий пациент уже ждал за дверью.

Осмотр вела Мира Соколова. Она ценила больницы за эту суровую честность. Здесь нельзя было гарантировать счастливый исход, зато можно было сказать: «Мы рядом», «Мы проверим» и «Сейчас будет неприятно».

Она говорила спокойно, двигалась без суеты, а тёмные волосы собирала так небрежно, словно вспоминала о них уже в лифте. На переносице оставался тонкий след от очков, которые она снимала во время разговора с детьми, чтобы стекло не отделяло её от собеседника.

В четверг, третьего октября, расписание нарушила Соня Громова. Девочка лежала на высокой кушетке, прижимая к груди фиолетовый рюкзак; белый шнурок на левом кеде оставался развязанным. Её мать Яна одновременно отвечала на сообщения, звонила сестре и каждые две минуты спрашивала, точно ли у ребёнка нет сотрясения.

— По осмотру признаков не вижу, — в четвёртый раз объяснила Мира. — Снимок нужен, чтобы не полагаться только на впечатление. Соня, тебя тошнит?

Девочка покачала головой.

— В глазах двоится?

— Только мама.

Яна нервно рассмеялась и попыталась погладить дочь по волосам. Соня отодвинулась, крепче обняла рюкзак и посмотрела на Миру с выражением человека, которому взрослые мешают разобраться в случившемся.

— Мужчина схватил тебя за рюкзак до аварии? — спросила Мира.

— Да. Я сначала решила, что он вор.

— А потом?

— Потом автобус сломал рекламу.

— Ты видела, как он начал заноситься?

Соня задумалась.

— Сначала мужчина испугался.

— Как ты поняла?

— У него лицо стало как у людей сразу после сна. Они уже открыли глаза, но ещё находятся там.

Мира внесла в карту более прозаичную формулировку: «Контактна, ориентирована, последовательность событий воспроизводит верно». Детские метафоры редко помещались в медицинские поля.

Яна показала видео, которое случайно сняла, записывая видеосообщение сестре. Кадр дрожал, половину экрана занимало серое небо, однако мужчина возле перехода был виден достаточно хорошо. Он держал кофе, смотрел на светофор, затем на долю секунды закрыл глаза, бросил стакан и потянул Соню назад. Автобус появился из-за фургона почти двумя секундами позже.

Мира просмотрела запись трижды. На первом просмотре она следила за машиной, на втором — за движением мужчины, на третьем заметила, что перед рывком он беззвучно произнёс несколько слов. Разобрать их было невозможно.

— Можно отправить видео мне? — спросила она. — Для консультации, без публикации и имени Сони.

— Его уже выложили, — ответила Яна. — Кто-то снимал с другой стороны. Там лицо видно лучше.

— Тем более не распространяйте свой файл. Когда человек спасает ребёнка, окружающие быстро решают, что получили право на него и на его объяснение.

Соня подняла голову.

— Он ошибся.

— В чём? — спросила Мира.

— Думал, что шапка будет в воде.

Яна устало вздохнула, но Мира заметила, как девочка посмотрела на свою ладонь. На коже оставалась тонкая царапина от падения.

После обследования Яна ушла за справкой, и Мира присела рядом с кушеткой.

— Ты слышала, что мужчина говорил про шапку?

— Он этого не говорил.

— Тогда откуда знаешь?

Соня пожала плечами.

— Когда песню включили второй раз, припев уже знаешь. Я схватилась за его руку, и там была вода, колесо и дверь.

— Какая дверь?

— Железная. За стеклом кто-то бил ладонью.

Мира не стала подсказывать подробности.

— Ты знаешь, как зовут мужчину?

— Алексей.

— Он представился?

— Нет. Имя тоже было там.

Яна вернулась, и разговор закончился. Перед уходом Соня натянула жёлтую шапку и сказала:

— Только не сердитесь на него. Он пока не понимает, какая песня настоящая.

Когда они ушли, Мира проверила старую карту девочки. Два месяца назад Соню привозили после эпизода ночной дезориентации: она проснулась на лестничной площадке и утверждала, что искала комнату без часов. ЭЭГ не показала эпилептиформной активности, психиатр не увидел признаков психоза, поэтому случай оставили под наблюдением.

В карте находилась пометка: «При повторении эпизода уточнить образ двери». Формулировка выглядела профессионально, но Мира её не писала. В журнале доступа стояла её учётная запись и дата двадцать шестого марта, когда она выступала на конференции в Казани.

Она позвонила системному администратору. Тот сначала сослался на ошибку синхронизации, затем признал, что запись внесли удалённо с внутреннего адреса лаборатории когнитивных состояний. Имя пользователя скрывалось за служебным ключом.

— Кто имеет такой доступ? — спросила Мира.

— Руководитель проекта и служба безопасности. Возможно, ещё старые администраторы.

— Проект закрыт четыре года назад.

— На бумаге многие вещи закрыты дольше, чем на сервере.

Мира распечатала страницу, поставила дату и убрала её в папку. Затем перечислила возможные объяснения: взлом, чужой доступ, подготовленный эксперимент, совпадение, особенность памяти Сони, собственная усталость. Ни одно не требовало мистики, но все требовали проверить человека с перекрёстка.

Во втором видео аварии его лицо действительно было видно лучше. В комментариях уже называли имя: Алексей Воронов, психолог и консультант по кризисным ситуациям. На сайте центра нашлась запись его лекции об иллюзии контроля.

«Самая опасная ошибка, — говорил он, — принять тревогу за знание. Когда мы подробно представили катастрофу, легко решить, что получили право управлять каждым, кто способен в неё попасть».

Мира пересмотрела этот фрагмент дважды и позвонила по номеру, указанному на сайте. Она не стала рассказывать о словах Сони и взломанной карте; для начала хватало факта, который можно было показать на видео.

— Алексей Сергеевич? Меня зовут Мира Соколова. Мы не знакомы, но сегодня утром вы спасли девочку у метро.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.